

Нужен ли революции театр?

Инга Оболдина на ботсе быть некресмой (спектакль Гарольда Стрелкова «Сахалинская жена»)

Светлана
Новикова-Гачелина

«Граждане, проявите революционную сознательность: отключите телеграфную связь!» — обратился красноармеец к зрителям. Те с улыбкой полезли за мобильниками. Так начался спектакль Сургутского музыкально-драматического театра «Гори, гори, моя звезда», финальный аккорд Первого театрального фриндж-фестиваля. «Фриндж» (fringe — край, обочина) — слово для нашего уха непривычное, но театралы знают: так называются фестивали маленьких экспериментальных театров. В Москве в середине восьмидесятых проходил аналогичный фестиваль «На обочине».

Благодаря ему театры-студии смогли высунуться из подвалов и показаться народу. Возможно, и только что прошедший в Москве и Петербурге фриндж со временем даст плоды. Он одновременно дерзок и скромно по замыслу: представить спектакли двух молодых театров, московского АпАрте и Сургутского, поставленные одним режиссером — Гарольдом Стрелковым. Задуман он как «театральный мост длиной в три тысячи километров» — на таком расстоянии от столицы находится Сургут.

Сургутский театр — совсем юнец, город открыл его четыре года назад и до сих пор не знает, куда приткнуть. За деньгами не постояли — набрали местную молодежь, организовали заочный курс

РАТИ, привезли московских педагогов, подготовили три (!) актерских выпуска, только про здание забыли. Играл театр то во Дворце культуры «Магистраль», то в Школе искусств. «Репетировать и хранить музыкальные инструменты, декорации и костюмы негде, — жалуется директор театра Тамара Никифорова Лычкатая. — Гриммерка, представляет, одна на всех! В репертуаре уже 25 спектаклей, и мы их теряем из-за отсутствия места. Как теряем балетмейстеров-репетиторов. Они уезжают: у нас негде танцевать. Оркестр репетирует в жилом доме, и соседи часто устраивают скандалы. Не странно ли: денег на создание театра не жалели, а дома своего по сей день нет, он даже не строится?

Вроде как планировали родители ребенка, а родился он нежеланным».

Выпускник курса Петра Наумовича Фоменко Гарольд Стрелков пришел в Сургуте ко двору. Он успевает ставить и в Сибири, и в московском АпАрте, где собрал из «своих» артистов театр в театре — «СТРЕЛКОВ-ТЕАТР». Во всех его московских спектаклях: от первого, знаменитого — «Сахалинская жена» до последнего — «Мата Хари» (оба по пьесам Елены Греминой) занята его однокурсница, жена и фантастическая актриса Инга Оболдина. Оболдина покрывает все сценические амплуа, играет и хитрую старую каргу-гилячку, и бойкую дочь станционного смотрителя Дуно, и танцорку-шпионку Мату Хари.

Еще недавно Инга была замечательной актрисой — теперь, сыграв в «Вишневом саде» у Някрошкоса и в фильме «Небо. Самолет. Девушка», она стала признанной звездой. Из спектакля в спектакль переходят и прекрасный характерный актер Сергей Серов, и Александр Сухарев, и Алексей Зуев. Стрелков принадлежит к режиссерам, за которых актеры держатся.

Организацию фестиваля-дольности Москва — Сургут, довольно дорогою, учитывая расстояние, поддержали и чиновники, и меценаты. Помогли с перелетом, с фурией для декораций, с гостиницей. Для молодого Сургутского театра это первая поездка в столицы. Площадку в Москве безвозмездно предоставил Театр Джигарханяна. Фриндж открылся театром АпАрте, а закончился спектаклями Сургутского театра: «Униженные и оскорбленные» и «Гори, гори, моя звезда». Стрелков — режиссер метафорический, как все «фоменковцы», не бытовой. Сцена бесшабашного общего застолья с задушевными разговорами о судьбе художника («Твои картины будут в Лувре, в Дрездене, в Прадо...») уже предвещала страшный исход. В революции играли романтики, но кончилось всегда кровью. Убивали красные, убивали белые. Неказистые зеленые яблочки, раскрашенные у нас на глазах деревенским живописцем в алый цвет, становились не просто сказочными яблоками, они были и каплями крови. Мы то из нашего-то сегодняшнего опыта знаем, что такое Гражданская война и что ждет этих наивных людей — влюбленного в Театр говоруна Искремаса (хорошая актерская работа Ивана Косичкина), молчуна, деревенского живописца-самоучку (проникновенный, глубокий Алексей Моисеев), привязавшуюся к Искремасу девочку Креску (искренняя, сельная Лесья Янчак) и многих, многих других, виновных и безвинных. В этой лирической трагедии (не знаю, признан ли такой жанр) В. Фрида и Ю. Дунского главной темой и главной болью стала возможность выживания человека искусства и самого искусства. «Почему он не пришел посоветоваться?! — кричал предрековом в черных кожаных галифе. — Мы бы объяснили, что в театре можно, а что нельзя.» Выстреливала в цель и реплика: «Весь этот театр — колосники, сцена, немировичи — он революции не нужен!»

Нужен ли театр революции? А можно и по-другому: нужна ли революция театру? Спектакль «Гори, гори, моя звезда» отвечает однозначно: искусство свободно, и художник истинный эту свободу ни на что не променяет.